

Концептуализация жизненного опыта в зеркале идиоматики

© кандидат филологических наук Ч.Г. Гогичев, 2010

Проблема членения действительности в процессе когнитивной деятельности человека имеет большое значение для исследования природы языковых единиц. Актуальность исследования этого вопроса, «интерес <...> не только к языку как к системе, но языку как деятельности», необходимость выяснения «соотношения деятельностно-лексического компонента с сознанием» отмечал Ю.А. Сорокин [2: 34]. Категории в человеческом сознании расположены в иерархическом порядке. Каждая категория может, в свою очередь, делиться на другие, представляющие собой виды объекта, обозначенного в исходной категории. Процесс спецификации выражается в языке, в частности, в семантике идиом. В значении этих фразеологизмов, как правило, представлен один из таких подклассов, релевантных с точки зрения оценки, например, категория «Человек», может подразделяться на подуровни по признакам «поведение», «внешний вид» и т. д. – *стреляный воробей* – «человек опытный». Таким образом, идиомы представляют собой снижение уровня категоризации на более специальный подуровень для формирования наименований, представляющих важные для функционирования данного лингвокультурного сообщества.

Целью данной работы является исследование категории ЧЕЛОВЕК ОПЫТНЫЙ сформированной средствами идиом. Данная категория представляет собой аспектуализацию класса «Человек», выраженную соответствующей классемой и дополненную представленным выше признаком.

Вслед за В.Н. Телия, мы рассматриваем значение идиом как состоящее из области, в которой отражен некий фрагмент действительности и блока, представляющего оценку этого фрагмента как рациональную, так и эмоциональную [6]. Компонент значения, соотносящийся с отражением в сознании внеязыковых объектов, в современной семантической теории принято обозначать как денотат. В денотативном компоненте семантики идиом чаще всего отражаются признаки, имеющие аксиологическую релевантность в данном языковом сообществе. Они выделяются во внутренней форме посредством включения образа в некоторую когнитивную модель-гештальт (в смысле К. фон Эренфельса), проецирующую на образ отношения, которыми связаны остальные категории, входящие в эту модель.

По мнению Ю.А. Сорокина фразеологизмы указывают «на различные – по времени и месту – конфигурации вербального и невербального опыта, фиксируемого фразеологизмами в очень компактной и парадоксальной форме, зачастую скрывающей их содержательную суть. Если учитывать, что фразеологизмы – это, как правило, стершиеся и нестершиеся метаболы, то трудность истолкования опредмеченного в них опыта увеличивается, по крайней мере, вдвойне.

Хотя некоторые (китайские – *Ч.Г.*) «привычные выражения» могут быть без всякой натяжки сопоставлены с русскими выражениями такого же типа (при всем различии в их вербальной фактуре), но другие (например, ‘сырой рис превратился в кашу’ в значении ‘дело уже сделано, поезд ушел’; ‘расшитая цветами подушка’ в значении ‘ворона в павлиньих перьях’) сопоставляются с трудом или могут быть сопоставлены лишь условно. Причиной этому является, на мой взгляд, и различия в самой «предметности», в тех ментальных и нементальных «отдельностях», которые встроены в структуру фразеологизмов, и различия в структуре образов-представлений, провоцируемых этими фразеологизмами» [3: 4].

Семантика идиом формируется на основании связи образа, выраженного буквальным прочтением идиомы с ее актуальным значением. Формирование денотата идиом обусловлено необходимостью видовой спецификации некоторой категории, т.е. обозначаемое идиомы представляет собой аспектуализацию одной из категорий базового уровня, для которой трудно подобрать однословное наименование. Для формирования подобных обозначений привлекаются образы, имеющие устойчивые признаки и оцениваемые с точки зрения культуры народа.

Функциональной основой этих языковых единиц является образ, заложенный в их внутренней форме. Сущность такого образа зависит от особенностей человеческого восприятия. Он всегда редуцирован по отношению к явлению, отражением которого является. Знания о внеязыковой реальности относительны, неполны, они отражают лишь некоторые ее стороны, поэтому каждое явление представлено в сознании только в этой, отраженной своей части. В своих непознанных проявлениях он не представлен для сознания, хотя и существует объективно. Структура познавательного аппарата человека не приспособлена к тому, чтобы сразу и полностью воспроизвести в идеальной форме объект во всей сложности. Это чисто биологическая способность человека. В своих работах Б.А. Серебрянников отмечал, что человек никогда не в состоянии отразить окружающий мир полностью, целиком, во всем его многообразии. Кроме того, признаки, на основе которых формируется образ, обладают разной степенью актуализации: некоторые из них выступают на передний план, затемняя другие [1: 24]. Формирование кон-

венциональных признаков и их актуализация в значении идиом определяется гештальтом – структурой организации опыта, имеющей фундаментальное значение в когнитивной деятельности человека.

Категория «Человек» в немецком, русском и осетинском языках разделяется на большое количество подкатегорий, обогащаясь при этом дополнительными признаками. В частности, сформированы идиомы, характеризующие эту категорию по признаку наличия/отсутствия опыта. Материал, отобранный нами из словарей методом сплошной выборки, дает следующее представление об «опытном человеке».

В русском языке:

тёртый калач Разг. Ирон. Опытный, бывалый и хитрый человек, которого трудно провести, обмануть. *Все взгляды вперились в Глеба, и, хоть вокруг сидел свой же брат – мятые, тёртые калачи, председатели колхозов, – у него задрожали в обиде губы* (Л. Обухова. Заноза).

стреляная птица/обстрелянная птица Разг. Ирон. Бывалый, очень опытный человек, которого трудно обмануть, провести. – *За эти слова ты ответишь, Иван. Ты ударник – ответишь. Я работница, а не кто-нибудь, меня бригада защитит. – Ты всем известна. Птица стреляная. Неспроста из барака куда-то на соцгород переселилась* (Н. Кокин. Девки).

стреляный воробей Разг. Ирон. Много перенёсший, бывалый и трусоватый человек. – *Читай. Видишь... "Держись на поверхности"... Значит, есть и глубина... Это дело будет посложней. Гошка Блин сразу не расколется. Стреляный воробей* (Г. Матвеев. Новый директор).

старый волк Разг. Экспрес. Бывалый, опытный человек, умеющий переносить невзгоды, неудачи. *Когда придётся быть в набеге или где (ведь я старый волк, всего видал), да коли стреляют, ты в кучу не ходи, где народу много* (Л.Н. Толстой. Казаки).

старый воробей Разг. Ирон. Бывалый, опытный человек. – *Это не эксперт с вами закусывал? – Нет, мой личный друг. Мужчина образованный, антицерковный, знает по-древнелатински. В искусстве старый воробей, поскольку актёр* (К. Федин. Необыкновенное лето).

Из пословицы «старого воробья на мякине не проведёшь». Например: *Но Григорий Шелихов, – старого воробья на мякине не проведёшь, – разгадал неладное, не дался в обман – корабль взял, а штурмана английского, снабдив деньгами, на родину отправил* (В. Григорьев. Григорий Шелихов).

старый лис кто. Устар. Презр. Хитрый, лукавый человек. – *Молчи, старый лис, останется и тебе, – успокоил его Бузыга* (Куприн. Конокрады).

В осетинском языке:

фых лæг (досл. ‘вареный мужчина’) – тынг фæлтæрд, царды стыр фæндагыл чи рацыд, зын сайæн чи у, ахæм (‘очень опытный, прошедший дорогу жизни, человек, которого трудно обмануть’). Ср. *тертый калач*.

бадт адæймаг (досл. ‘устоявшийся человек’) – фæлтæрд, царды алцыдæр чи федта, ахæм адæймаг (‘опытный человек, многое видевший’). Ср. осетинскую пословицу – зæронд бирæгъ дыгæйттæ хæссы. (Æмб.) (*Старый волк по-двое уносит*. Посл.)

зæронд бирæгъ/зæронд халон/зæронд цъиу/зæронд хъæрицыгъа (досл. ‘старый волк/старый ворон/старая птица/старый ястреб’ – царды алцыдæр чи федта, кæмæй ницы ирвæзы, ахæм; фæлтæрд адæймаг (‘опытный человек, многое видевший, который своего не упустит’).

зæронд рувас – опытный, хитрый человек.

В немецком языке:

ein alter Hase – ein erfahrener, kundiger Mensch

alter Hase ≈ старый опытный [бывалый] человек; стреляный воробей; старый опытный специалист, er ist auch kein heuriger Hase mehr — он уже не маленький; он стреляный воробей.

umg. ein alter H. (*erfahrener Fachmann*); er ist ein alter H. im Kranbau, im Schisport; er ist kein heuriger H. (mehr) (*kein unerfahrener Mensch*).

ein schlauer / alter Fuchs sein; schlau wie ein Fuchs sein – ein erfahrener / schlauer / gewiefter / raffinierter / gerissener Mensch sein umgangssprachlich; jmd., *der schlau, listig ist*: er ist ein alter, schlauer F.; ich traue diesem F. nicht; dieser F. gewinnt jeden Prozeß; dieser Fahrer ist ein F. im Etappenrennen; лиса, хитрец; пройдоха er ist ein alter [schlauer] Fuchs — он старая [хитрая] лиса, он хитрец.

ein alter Fuchs (ein alter [der alte] Fuchs) (andern überlegener (durchtriebener) Mensch, der alle Schliche und Feinheiten, auf die es ankommt, kennt) ловкий [продувной, хитрый] человек, который хорошо разбирается в тонкостях какого-л. дела (‘старая лиса’) *Lothar, gib mir die Pistole. Pistole? fragte ich ihn. Von was redest du eigentlich. Mir altem Fuchs kannst du doch nichts vormachen.* (Max v. der Grün. Flächenbrand)

die große alte Dame des... – ein erfahrener Mensch auf dem Gebiet...; ein Vorkämpfer; *"Die große alte Dame des deutschen Fußballs will nicht mehr: Andreas Möller hängt die Fußballschuhe an den Nagel"*.

Alte Besen kehren gut – Erfahrene Menschen sind von Nutzen; Abwandlung des Sprichwortes "Neue Besen kehren gut".

Приведенный материал показывает, что средства идиоматики привлечены в русском языке для того, чтобы обозначить опыт как способность избегать неблагоприятных ситуаций, знать, что нужно делать в тех или иных обстоятельствах.

Немецкий материал показывает спецификацию опыта в таком же отношении, но допускает детализацию способностей, получая объектную валентность.

В осетинском языке, кроме выделения указанной способности, определяется человек, активно использующий накопленный опыт для получения выгоды.

Кроме того, во всех трех языках наблюдается дрейф рассматриваемого значения в сторону сочетания опыта и хитрости.

В осетинском языке формирование подобной категории вызвано существованием положительного оценочного стереотипа человека, в который входит признак «способность не упустить свое». В немецком и русском языках рассматриваемая категория аксиологически нерелевантна, кроме случаев акцентуализации признака «хитрость», представленного в отрицательном оценочном стереотипе.

Л и т е р а т у р а

1. *Серебренников Б.А.* «Язык отражает действительность или выражает ее знаковым способом». М., 1988.
2. *Сорокин Ю.А.* Антропоцентризм vs антропофилия: доводы в пользу второго понятия // Язык. Сознание. Коммуникация. Вып. 4. М. 1998.
3. *Сорокин Ю.А.* Лакуны: Еще один ракурс рассмотрения // Лакуны в языке и речи: Сборник научных трудов / Под ред. проф. Ю.А. Сорокина, проф. Г.В. Быковой. Благовещенск, 2003.
4. *Телия В.Н.* Русская фразеология. М. 1996.
5. *Дзабиты З.Т.* Ирон æвзæджы фразеологион дзырдтæ. Цхинвал, 2003.
6. *Фёдоров А.И.* Фразеологический словарь русского литературного языка. М.: Астрель: АСТ, 2008.
7. <http://www.redensarten-index.de>
8. www.dwds.de